

Об авторе

На самом деле «Илона Эндрюс» – это два человека: мой муж, Гордон, и я (Илона).

Мы пишем в жанре урбанистического фэнтези, странного гибрида, включающего в себя элементы фэнтези, мистики и ужасов.

Наши истории основываются на обстановке модерна с «легкими» прикасаниями к ней паранормальности.

Сейчас (2010г.) мы в основном работаем над двумя разными циклами новелл – «Кэйт Дэниэлз» и «Острие».

Посещайте наш сайт <http://www.ilona-andrews.com/>

Перевод с английского языка

Аннотация к переводу

В маленьком научно-фантастическом рассказе семейной пары из США – Илоны и Эндрю Гордон, известных под псевдонимом Илона Эндрюс, описывается эпизод из фантастического будущего человечества, осваивающего просторы Вселенной в условиях, когда технический прогресс позволяет и одновременно заставляет открывать новые миры, для изучения их ресурсного потенциала с последующей его эксплуатацией.

Уровень развития космических, промышленных и медицинских технологий, генной инженерии и робототехники, в сочетании с информационными технологиями, позволяет команде исследователей за два года произвести оценку далекой планеты с симпатичной, но недружелюбной к технике биосферой. Но в результате хакерской атаки – фактически за несколько мгновений потерять результаты своих трудов.

Вирус вынуждает вспомнить мифы и легенды о короле Артуре, обработанные в своем произведении Томасом Мэлори в 15-ом веке, и провести аналогии с орбитальным волшебником Мерлином, верным рыцарем Ланселотом, любимой леди Гвиневерой, ищущим чашу изобилия Персивалем, с рыцарями Круглого Стола Пендрагона. Ну и, конечно, с урчащим и неуловимым Рыкающим Зверем Пелинора.

Главному герою при поддержке своей команды предстоит решить каверзный квест, спасти искомую информацию, карьеры членов экспедиции и, вероятно, изумрудную планету от разграбления. Чтобы, наконец, обрести не лицемерную, а «заповедную» чашу Грааля в компании любимой. Но какой ценой все это может обернуться для экосистемы заповедника?

В рассказе содержится ненормативная лексика, языческие символы и IT-жаргон.

В нем, с определенной мерой иронизирования и шутки, обыгрываются взаимоотношения людей с невероятными живыми существами, а также попытки возрождения средневекового рыцарства в эпоху фантастических приключений и техники.

У любителей фэнтэзи и фантастики рассказ сможет вызвать позитивные эмоции, и производит хорошее впечатление.

– Не беспокойся из-за этого, – сказал он. – В конце концов, ты что-то сказала. А это – все, что имеет значение.

Она глянула на него, теплыми карими глазами.

– Как ты думаешь, мы поступили правильно? – поинтересовался он.

– Сейчас уже слишком поздно беспокоиться из-за этого, – сказала она. – Я сделала запрос на продление путешествия, ну, если какие-нибудь осложнения возникнут, то буду здесь, чтобы управиться с ними.

– Я тоже записался на продление путешествия, – сказал он.

– Я знаю. Проконтролировала.

Она прикоснулась к его рукам с холодными пальцами. Он вывернулся и обнял ее своей рукой, и почувствовал, что она прижалась к нему.

Они вместе наблюдали за тем, как тысячи крошечных белых светлячков высыпались из пуфовых одуванчиков с фруктами *ино-ино* и затанцевали на легком ночном ветерке.

9

Ловимый Зверь обнюхал место под завязанными в узлы корнями дерева *тари*. Вокруг дрожал лес, полный звуков и жизни. Поцарапав землю копытом, Ловимый Зверь присел и отложил яйцо.

КОНЕЦ

Илона Эндрюс ...Ловимый Зверь

(2010)

Научно-фантастический рассказ

Сделайте для себя открытием
выход всего нового от Илоны Эндрюс
на вебсайте <http://www.ilona-andrews.com/>

Источники:

<http://www.ilona-andrews.com/>

(изображения)

<http://www.ilona-andrews.com/book/questing-beast/>

(публикация 2010 года в редакции «Смэшвордз»)

<http://www.goodreads.com/book/show/8237331-questing-beast/>

(титальное изображение)

Перевод:
ANT

Днепр (Украина)
2017

Лицензионные замечания к изданию «Смэшвордз»

Благодарим Вас за загрузку этой бесплатной электронной книги. Мы относимся только с одобрением к ситуации, когда вы поделитесь ею со своими друзьями. Эта книга может воспроизводиться, копироваться и распространяться в некоммерческих целях, при условии полного сохранения ею первоначального вида.

Если Вам понравилась эта книга, пожалуйста, посетите вебсайт автора для проверки его на предмет выхода новых книг, а также прочих забавных материалов и глупостей.

Спасибо за Вашу поддержку.

1

В зеленом зареве немурианской полночи пылало оранжевым электрическим цветом пищевое пятно на георазведочном графе. Шон Козлов протащил рукой по лицу, напрасно надеясь, что часть его усталости прилипнет к ней, и ощупал поверхность письменного стола в поиске ручки.

На ощупь ручка была влажной и холодной, подозрительно похожая на нос.

Он, как раз, очень вовремя посмотрел на плод своего поиска, чтобы избежать длинного розового языка, который нацелился лизнуть его прямо между глаз. *Трогомет* залез на граф, понюхал пищевое пятно и плюхнулся поверх него: шириною в два фута клубок рыжей шерсти, оборудованный четырьмя руконожками и хитрой пронырливой мордой, которая усеивалась черными глазками.

Шон зевнул. Боже, как же он устал. Он потянулся, чтобы царапнуть пушистый живот *трогомета*. Осталось два проверочных обзора. Пол часа работы, затем он должен внести последние данные в Белоснежку, а потом – окончательно уснет.

Его рука застыла. Он щекочет *трогомета*. Двадцать метров от Белоснежки. «Святой Олимп!» – осенило Шона, как обухом по голове. Как оно вообще пробралось внутрь, минуя затворы и двойные двери? Хватит об этом, как он собирался выпроваживать это вон?

Разочарованный *трогомет* позволил себе выпустить:

– Муук!

Качнулся вправо и уселся на зад, безвольно свесив передние лапки на свою грудную клетку.

Печенька. Пока оно было с печеньем, оно не посмело бы лазить по коридору, вламываться через дверь хранилища и жрать единственный на всей планете компьютер. Шон порылся в карманах своих брюк и произнес:

– Печенька! – предъявляя наполовину искрошенный овсяный диск.

– Муук!

Как от взрыва открылась дверь. Проламываясь, внутрь ринулся возбужденный и запыхавшийся Сантос. На какой-то миг Шон даже подумал, что у stoического шефа службы безопасности был сердечный приступ.

– Нанни вернулся, – выдохнул Сантос.

Шон мигом оказался вне своего места и за дверью. Люди затолпили растянувшуюся перед седьмым блоком лужайку, и в вихре лиц он увидел хорошо знакомую ганглийную фигуру Нанни, который был верхом на Ловимом Звере.

– Независимая Разумная Биологическая Единица рапортует о рабочем состоянии, – отчитался Вернье.

Шон крутанулся, чтобы увидеть комиссию, выходящую из блока.

– Два часа! – закричал он. – Дайте мне два часа, и у меня будет ИОО.

Член по вопросам образования и науки смотрела на Зверя.

– Что это? – мягко спросила она.

– Недавняя находка, – сымпровизировала Дженифер. – Мы называем это Ловимым Зверем, как в мифах Мэлори об Артуре. Не хотите ли погладить? Оно мурчит.

8

Немурианский рассвет медленно зажигался. Под глубоким изумрудным небом серебристые *иновые* деревья, казалось, накалялись.

Шон слышал шаги позади себя, но перспектива была слишком захватывающей, и он был уж слишком утомлен, так что он остался там, где был, прислонившись к низкому ограждению. Кто-то занял место рядом. Он мельком оглянулся.

Дженифер.

Два *трогомета* удирали от щетки, перепрыгивая друг через друга.

– Они сделали рекомендации по заповеднику.

Шон молчал.

– Я думала, что мне будет легче, – сказала она. – Но, нет. Меня задело так, что все еще до боли стягивается.

– Дай время всему уйти в сток, – пробормотал он. – «Мерлот».

– Что?

– «Мерлот». Это культурный сорт винограда с Земли. Вот ароматом чего пахнет воздух.

Она закрыла глаза.

– Я пыталась вывести перекрестные зависимости данных по миграции с тепловыми моделями. И главное, Пен заснул, а я додумалась пойти коротким путем, чтобы втянуть себе данные из *орбитали*. Я залогинилась после того, как это сделал ты, и не пропустила поток через Великую Стену. Прости меня. Я была такой уставшей... а когда потом все начало ломаться, я просто не смогла... – она закусила губу. – Мне надо было сказать что-то. Я чувствую себя сволочью.

Сантос покачал головой. Шон глянул в лес. Вернье был прав. Нанни это никогда не поймает...

– Это была я, – сказала Дженифер.

Шон посмотрел на нее. Было видно, как она сглотнула.

– Я инициировала трансмиссию, на которой заехала «многоножка». Это я была. Я залогинилась после Шона. Так что, это моя вина.

Вернье развернулся на каблуках и ринулся в сторону леса, разделяя каждый шаг зловещим определением.

– Куда это ты собрался? – попытался остановить Шон.

– Мне нужна новая палка, – огрызнулся главный программист.

7

Семь членов комиссии сидели за столом так, словно были властелинами ключей от Гадеса, заседаая на суде для грешников с перекрестков между Тартаром и Благословенными островами. Шон даже не знал их имен, а только репрезентируемые сферы их компетенции. По крайней мере, рядом с ним сидела Дженифер.

И сам факт того, что они вместе с разрушенными карьерами должны провалиться в тартарары, как-то не приносил ему комфорта.

Член по вопросам образования и науки обратила внимание на кучу бессвязных листов бумаги перед ней. Некоторые из бумаг были потрепанными и грязными. На паре обрывков, вероятно проникших от Валя, имелись пятна от пищи. В своих мыслях Шон видел себя ничтожеством, которое уменьшалось до тех пор, пока не исчезало со слабым хлопком.

– Мы просмотрели заметки, – сказал член по вопросам предпринимательства и промышленности. – Мы находим их неудовлетворительными.

Шон низко поклонился.

– Вы осведомлены, что за историю экспедиций не было команды, провалившей выпуск *итогового отчета об оценке*? – спросил член по вопросам экологии и здравоохранения.

– Кроме главного капитана, – сказала Дженифер. – Потому что он был съеден.

– В нашу защиту, – добавил Шон, – мы обоюдно лучше бы предпочли быть съеденными.

Член комиссии по вопросам образования и науки одарила его пристальным как камень взглядом.

– Сказанным, я подразумевал, что имеются смягчающие обстоятельства.

– Конечно, – закивал головой член по социально-культурной сфере. – Однако, они не изменяют факта о том, что мы здесь, а ИОО нет.

Шон открыл свой рот...

Резким рывком Шон открыл створку окна и подбросил гостинец на голубоватую траву снаружи. Пушистая черная молния пуль метнулась мимо него, на полпути хватая печенку в полете. Шон захлопнул створы стеклопластика, заблокировал их и задал спринту по коридору, чтобы проверить Белоснежку.

Толстая пластиковая дверь преграждала вход в сводчатое хранилище. Ухватившись за рычаг, он резко рванул его в сторону, и дверь плавно скрылась в углублении стены. *Трогометы* достаточно хорошо справлялись со стандартно выпускаемыми дверьми, но тяжелые задвижные – оставляли их в тупиковом положении. Кластер люминофорных сфер проливал лимонный свет на небольшое пространство между дверьми. Шон ступил прямо, закрыл за собой первую задвигающуюся дверь и тщательно проверил маленькое пространство.

Ничего. Ни пушистых клубков высотой в два фута, прячущихся по углам. Ни «муук!»

Успокоенный, он открыл вторую задвижную дверь, выпрыгнул через проем, и со всей силы помог двери вернуться на прежнее место, до треска напрягая мышцы. Ему предъявилось прямоугольное помещение, пустое, за исключением прозрачного куба стеклопластика. Высотой в шесть футов и толщиной в два дюйма, куб ограждал Белоснежку – *рабочую станцию четвертого порядка*, тотальность компьютерного арсенала всей экспедиции. Если не считать Гнома, *малого внешнего устройства*, которое было ненамного больше хваленного резервного диска.

Терминал Белоснежки слабо озарялся. Сенсоры движения пребывали в тишине. *Рабочая станция* и ИОО, *итоговый отчет об оценке* внутри нее, оставались невредимыми. Двум дюжинам ученых, чьи двухлетние достижения с карьерами уселись верхом на этот отчет, не придется его линчевать.

– Печенку?

Нет ответа. Только тишина.

Тревожность наконец-то утекла. Облегчение наводнило Шона и он сполз по стене, остановившись головой на пластике. Тут хватает сенсоров, чтобы удержать стадо гогочущих ниндзя, а он, как идиот, вопит: «Печенька!»

«Это паранойя, великий Зевс. Я не виноват, – уверил он себя. – И никто не может меня упрекнуть». Проживание на планете, где компьютерное устройство в кармане служит мучительной «танталовой» закуской, свело бы к паранойе любого. Перед прибытием на Немурию всему персоналу пришлось лишиться всех улучшений и имплантов. Они сдали свои передатчики прямой связи с внешним миром, персональные компьютерные устройства, и даже часы. Он бы отдал свою правую руку за кусок сраного передатчика.

«Все что угодно, – взмолился Шон, – только не наборка. И запись. Боже, какой скучной рутинной это было. Одни судорги в руках, да и только...»

Он покосился еще разок на Белоснежку, перед тем как закрыть глаза. Она все еще была единым целым.

Не было похоже на то, что *трогометы* могли здесь подсобить.

В действительности, они были неплохого характера и довольно-таки яркими для не сочувствующих видов. К сожалению, для организма, в чьем первичном желудке

жил дальний кузен «геобактер-металлиредуценс», большинство металлов имели вид хорошенькой вкуснятины. Особенно железо. Марганец. Золото. Платина. Геобактер-металлидевастерный микроб запросто добывал энергию при диссимилятивном разложении хоть какого-нибудь металла. И поэтому каждому пушистику внутренность любого компьютера представлялась небесным шведским столом. Если что-нибудь было металлическим, то это была пища. Как вообще что-то такое, черт возьми, вытерпела даже и эволюция? Немурия была богата на залежи металлов, но не до такой же степени. К счастью, вторичным желудкам *трогометов* были достаточно хороши по вкусу углеводы, иначе бы пушистые клубки вымерли с голоду много эр тому назад.

Шон зазевал. Когда он в последний раз спал? Это было двадцать часов тому назад? Тридцать? Это имело значение? Усталость разлилась по нему мертвым якорем, и ему не хотелось ничего более, чем просто свернуться калачиком на пластиковом полу и уйти в зарево полного блаженства электрической лампы.

– Шон?

Человеческое тело является удивительным организмом. Оно может перейти от состояния мертвой усталости к абсолютной бдительности в ужасающе короткий миг.

Шеф службы безопасности выгнул свои темные брови:

– Я и не знал, что ты можешь так высоко прыгать.

Шон пробормотал что-то и уставился на Сантоса пристальным взглядом осуждения. Которое отскочило от Сантоса, как *трогомет* со стеклопластика.

– Ты помнишь, я тебе говорил, что мы должны запускать каждую трансмиссионную сессию только после прохождения Великой Стены? Потому что мы живем на расстоянии меньше светового часа от третьего по величине производителя ИИ-синтезаторов, и потому что их хакеры считают крайне занятным закрутить нам гайки при каждой ими полученной возможности.

Шон закивал головой.

– Так точно. Каждая трансмиссия пускалась через Великую Стену. Это походило на скребок до кости.

С виду Сантос был мрачным. Что само по себе ничего не означало. Темные волосы, с такими же темными глазами, выглядели почти черными, и шеф службы безопасности обычно менял выражения, ограничиваясь мрачным, флегматичным и стоическим.

– Ты логинился этой ночью. Около часа. Была трансмиссия со спутника.

– Да. И я прогонял ее через Великую Стену. Как и всегда я делаю. Сантос, проверь логи.

– У нас больше их нет.

Шон разинул рот, но неожиданно слова отказались выходить.

– Не спеши, подготовься.

– Вирус «сороконожки», – Шон окончательно пришел в себя.

– Хуже. «Многоножка», укомплектованная расплодом и субнастройками ИИ.

Она въехала верхом на последнем сеансе трансмиссии и на пару часов расположилась в бездействии. Достаточно долго, для того, чтобы ты разлогинился.

пятнами бледно-зеленых брызг и карминных розочек. На извилистой шее ярко пылала длинная шелковистая грива.

Оно не походило на химеру. Оно выглядело как слаженное существо, ни на что не похожее из виденного им ранее, и оно было прекрасное.

Ловимый Зверь открыл рот и тотчас раздался ясный голос:

– Боже мой, дорогой.

У Шона аж сердце чуть не выскочило.

Позади него Вернье выдохнул:

– Вот дерьмо!

– Вот дерьмо! – повторил Ловимый Зверь.

– Это имитация, – сказала Дженифер, шагнув к нему. – Я же говорила, что не могу гарантировать лай.

– Дженифер, – резко гаркнул Шон. – Не приближайся к этой штуке!

– Та ну! – она вытянула руку, и голова погрузилась в нее. – Это травоядное.

Она погладила серебристый нос, и оно лизнуло ее ладонь длинным бледным языком. Станный шум исходил изнутри, как будто бы оно проглотило улей, и сейчас разъяренные пчелы боролись за совершение побега.

– Слышите, – сказала Дженифер, – оно мурчит.

Шон вспомнил, что нужно дышать.

– Ну и? – спросила Дженифер. – Где Нанни?

Шон повернулся и махнул руками в сторону Эмили, которая стояла возле загона. Она исчезла за пищеблоком и снова появилась мгновением позже. За нею следовал Наннибот верхом на карликовой корове, снаряженной уздечкой с поводком. Корова, казалось, смирилась со своей участью.

– Это что он, сеть несет? – удивился Шон.

– Идея Эмили, – сказала Дженифер. – Ему придется словить Зверя.

Причудливая группа подошла к ним. Шон посторонился для того, чтобы откомендовать:

– Сэр Пелинор! Это – Ловимый Зверь. Зверь – сэр Пелинор.

Глазное приспособление Нанни повернулось. Ловимый Зверь моргнул.

Без слова единого Нанни воткнул свои конечности в ребра коровы. Испуганная бычара рванула вперед. Ловимый Зверь двинулся в серебряном мерцании. Вот именно так они оба и ускакали галопом по равнине: тощая элегантность, преследуемая Нанни, подсакивающим на верху пуфика из оранжевого меха.

За парочку каких-то дыханий они достигли леса и исчезли из вида.

– Уммм, – произнес Шон. – А то, что я думаю... случилось, только что случилось?

Никто не ответил.

– И что теперь? – уже потребовал он.

– Теперь мы будем надеяться на то, что Нанни словит его в свою сеть, – сказала Эмили.

– Вы видели, какое оно было быстрое? – нахмурился Вернье. – Ему никогда не поймать эту штуку.

– Голова змеи, – описала Эмили. – Тело леопарда. Зад льва. Ноги оленя.
– Что ты выбираешь в качестве первоосновы? – спросил Шон.
– Полберианскую пресмыкающуюся ящерицу, – ответила Дженифер.
– На слух это не зондируется как нечто подобное ящерице, – заметил он.
– Шон, заткнись. Продолжай, Эмили. Что еще нам известно?
– Оно было большое. Производило шум, подобный лаю сорока натравленных охотничьих псов. Оно жило для того, чтобы охотились за ним, и было очень умным, потому что, однажды, когда Пелинор прекратил охоту на него, само пришло и нашло его.

– Нам не хочется, чтобы оно было слишком уж умным, – высказал пожелание Шон.

– Я не могу гарантировать лай, – произнесла Дженифер.

Шон подумывал сказать, что сомневается, может ли она вообще что-нибудь гарантировать. Поскольку они знали, что вообще все могло выйти лужей чего-то липкого. Но, в соответствии с обстоятельствами, которые теперь имелись, он решил воздержаться от оглашения своего мнения.

6

Шон стоял на лугу, по колено в траве. Где-то, заливаясь трелью, пела птица *таина*. Им все еще нужно было поймать одну.

Инкубация Ловимого Зверя заняла два дня. Имелось менее двадцати четырех часов до прибытия комиссии.

Падающая звезда подмигивала объективной реальности, подобно сверкающему изумруду, который пересекал небо с яркими вспышками, и мелькала в направлении Шона. «Кокон. Наконец-то!» – подумал он.

Звезда приняла белый цвет и яйцевидную форму. На мгновение показалось, что кокон должен погрузиться в землю, но потом в импульсах интенсивного белого пламени забились направляющие, замедляя падение, нежно снижая и направляя кокон в центр луга.

Поверхность кокона разделилась линией щели с волосинку. Шон уставился на развертывание дверного люка с чувством усталости. Позади него произвела небольшой шум Дженифер.

Дверь распахнулась вверх, выявляя темный интерьер. Что-то шевелилось в пределах мрака, что-то большое и живое. Из темноты появилась удлиненная голова, присоединенная к гибкой шее, элегантная и неширокая, в общих чертах скорее как у лошади, нежели у рептилии. Большие глаза с радужкой кобальтового цвета посмотрели на них. Ловимый Зверь моргнул и ступил на траву.

– Боже мой, дорогой, – произнес Шон.

Худое и грациозное, оно стояло на четырех мускулистых ногах, которые заканчивались широкими копытами. Его тело покрывал серебристый мех с

О боже. Вирус «многоножки», разбитый на сегменты, которые должны спрятаться в системе, маскируя себя и плодя дюжины новых «многоножек»...

– ИОО?

– Зажарен.

Шон почувствовал, что сейчас закричит. Объединенная комиссия прибывает сюда через четыре дня, а у него нет отчета для них. Ничего, кроме кучи, высотой в четыре фута, бумажных заметок от руководителей секций. Ушел месяц, интенсивного до опупения мозгов труда, на то, чтобы интегрировать несвязные заметки людей, которым никогда прежде не приходилось вручную вводить бумагу в объемный научный документ.

– А что с резервной копией?

Сантос вздохнул:

– Как я уже говорил, «многоножка» лежала в бездействии...

– А когда Юлия принесла Гнома, чтобы сделать резервную копию ИОО, «многоножка» перенеслась и в него?

Сантос кивнул головой.

– Оба резервных диска?

Сантос кивнул опять.

– А что с резервными дисками?

Стоическое лицо Сантоса приобрело некий затруднительный намек на эмоцию:

– Я за тебя волнуюсь.

Правильно, пушистики украли жесткие диски две недели назад. Тогда он так сильно не волновался. В конце концов, у них еще была Белоснежка и Гном.

– Так значит, нас прижали.

Сантос кивнул головой:

– Так точно.

В голове Шона промелькнуло, что он уже был мертв, а этот Сантос, со своим хмурым и непроницаемым лицом, был Танатосом пришедшим забрать его к Гадесу, чтобы придать суду за все земные прегрешения. Он качнулся назад. Возможно, мертвым он и не был. Быть может, он лишь просто спит. Еще чуть-чуть и он проснется, и сразу станет все прекрасным.

– Шон?

– Это не сон?

– Нет.

Не было возможного способа воссоздать отчет за четыре дня, и не с тем количеством материалов исследований, имеющихся у него. Два стандартных года ушло на сбор данных, анализ, тяжелую работу, истрепанные нервы...

У руководителей секций все еще имелись их бумажные заметки, но тотальный охват их труда сводился к ничему, пока не был представлен на рассмотрение комиссии. Это скажется катастрофическими последствиями на их карьерах.

Он мог бы навсегда найти легкий выход из этой ситуации. Он мог бы биться головой об стену и спастись при помощи боли. Он мог бы...

В мозгу что-то щелкнуло.

– Наннибот, – он сказал, – Наннибот является третичным уровнем резервирования. Мы резервируем все файлы на нем через каждую неделю. Там должно храниться все до того момента, как я присоединил геоисследования Тимура. Я могу исправить все за четыре дня.

Сантос вздохнул:

– И тут есть плохая новость...

2

Шон скрестил руки на груди, наблюдая за тем, как *биозапоминающее устройство*, также известное под именем Наннибот, пыталось оседлать карликовую корову. Карликовая корова походила на миниатюрного, обитающего на Земле, буйвола с оранжевым мехом. В своем четвероножном режиме Наннибот имел сходство с большим, но стройным псом, у которого была гладкая кожа цвета индиго и одна линза посередине трубчатой головы. В двуножном режиме, он был похож на инопланетянина из ранних мифов обитателей Земли об НЛО.

Ни один из режимов не подходил для верховой езды. Особенно, на пришедших в ужас карликовых коровах, и при этом держа метлу в одной из придаточных частей.

– Почему метла? – спросил Шон.

– Вернье точно не знает, – сказал Сантос.

Корова атаковала маленькую скамейку, где сидела, читая книгу, Эмили, старшая из детей. На какой-то ужасный момент времени Шон растерялся, разрываясь между тем, чтобы застыть в панике или же кинуться на спасение. Корова свернула влево, избежав на волосок скамейку. Он выдохнул:

– Скажи мне, как еще и это могло произойти?

– Лучшим из всего возможного, вычисленного Вернье, является то, что во время резервного копирования и размножения протокол вируса «многоножки» сделал Наннибота подвешенным как ИИ. Только, конечно, Наннибот – это не совсем правильная система *искусственного интеллекта*, поэтому вместо выключения, он заставил его делать... Ничегошеньки, кроме того, что он делает сейчас.

– Но ведь на эту ночь не было запланировано резервное копирование в Наннибот.

Сантос кашлянул:

– Юлия думала, что ты уж слишком незначительно придерживался «протокольного» регламента о резервном копировании. На этой неделе она каждую ночь производила резервирование в Наннибот.

Шон прошелся взглядом по школьному двору, по спазматическим подергиваниям голубой чудовищности на спине коровы, и перевел туда, где лес *ино* дотягивался аж до неба, гладью своих серебристых стволов, переплетающихся и свивающихся воедино. Гирлянды фруктов *ино-ино* манили с веток, подобно огромным одуванчикам. В воздухе чувствовался запах красного вина.

– Почему я? – напрасно поинтересовался Шон.

– Дженифер, я тебя прошу...

– Ха!

В отчаянии он стал тщательно искать в своих мозгах один веский способ ее убедить, и не нашел.

– Смотри, – сказал он с жалким видом. – Имеется пятнадцать человек, отдавших два года своих жизней на то, чтобы изучить и заценить эту планету. Их карьеры будут уничтожены. Это отбросит плохую тень на нас обоих – никогда, за всю историю экспедиций, не было такого примера, когда команда не произвела бы выпуска *итогового отчета об оценке*. За исключением главного капитана, но это не считается, потому что он и его команда были съедены. Но это даже не важная часть аргументации. Важной частью является то, что без отчета по экспедиции мы не можем продемонстрировать оснований в поддержку заповедника. Они вышвырнут планету на разработку. *Трогометы*, деревья *тари*, карликовые коровы, *ино*, все это уйдет в небытие.

Она смотрела на Шона. Он взял ее за локоть и нежно повернул к окну.

Длинными стеблями дрожали на легком бризе травянистые заросли, утыканные бледно-красными цветами с белыми, искрящимися на солнце тычинками. Вдалеке, на мягком лоскутке девственной растительности сорняков, стадо карликовых коров наблюдало, как два маленьких теленка с напускной свирепостью бодались головами. За полем, подобно зубцам горного хребта поднимался лес *тари*, серебряный, высокий и величественный. Над всем этим длинные взмахи кистью перистых облаков подсвечивали кристаллическую глубину изумрудного неба.

5

– Эмили, я хочу, чтобы ты понимала, что здесь поставлено на карты, – сказала Дженифер.

Шон вспомнил, что надо бы разжать свои кулаки. Они сидели перед *рабочей станцией*, которая достучалась до *мэйнфрейма* на безлюдной орбитальной лаборатории. Комплексный интерфейс генетического синтезатора заполнил экран. Вернье, подобный некоему грозному хранителю зарытого кибернетического сокровища, парил где-то позади в тених.

– Тебе никогда, никогда и некому нельзя говорить об этом, – продолжила Дженифер. – В противном случае каждый из нас потеряет работу, и Шон, и Сантос, и Вернье, а я направлюсь в места поднадзорного обитания. Я осознаю, что это очень тебя обяжет как четырнадцатилетнюю. Извини, что мне приходится просить тебя об этом.

– Я понимаю, – сказала Эмили. – Обещаю никому ничего не говорить. Даю слово.

Дженифер сделала глубокий вдох.

– Тогда, очень хорошо. Начнем. Это химера, так что дай мне ее по частям, кусочек за кусочком.

– И тебе тоже я не могу поверить.
– Это хорошая мысль, – повторил Сантос.
– Тебе придется, – сказал Вернье. – Именно ты не запустил трансмиссию через Великую Стену. Лидер команды.

У Шона открылся рот. С одной стороны – пятнадцать карьер. А с другой – его жизнь среди отбросов, если выяснится, что это он.

Если.

– Хорошо, допустим, мы сделаем это, – прохрипел он. – Единственной персоной, которая в состоянии кодировать что-нибудь этого рода в генетическом синтезаторе, могла бы быть...

– Дженифер, – мрачно закончил Вернье.

4

Дженифер скрестила руки на своей груди. Она была миниатюрной, но с десятью фунтами в нужную сторону полноты. И Шон не мог не заметить то, каким образом были скрещены руки, приподнимая и выставляя ее грудь.

Шон отвел сканирующий взгляд от грудной клетки Дженифер и уставился в землю. Это все еще было проблемой. Он это знал. Не был уверен, знает ли она, и его тревожило от мысли, что она могла бы. Все могло прекрасно обернуться, возможно, они могли бы даже стать парой, но после того, как ушел Икмэн, Дженифер была названа его сподвижницей по лидерству в объединенной команде, что означало, что она была единственной, кто мог спорить с лидером без нарушения субординационных взаимоотношений. И они вдоволь напорились.

Шон сделал глубокий вдох, чтобы сказать:

– Я, конечно, приношу свои извинения за то, что наговорил раньше. Я признаю, что не все сторонники автономного системного устройства наивные, с открытым ртом и к звездам устремленными глазами богатенькие детки, которые витают в поисках смягчения собственной вины, вызванной их привилегией права на жизнь. Мне также хочется признать, что у любого сильно централизованного управления имеются свои слабые места. И что я забираю назад все плохое, мною сказанное прежде, возможно, что могло даже подмочить тебя.

Дженифер зачесала назад свои каштановые волосы.

– Что ты хочешь?

На то, чтобы справиться с объяснением, у него ушло минут десять.

– Ты сумасшедший, – сказала она. – Совершенно же ясно, что нет.

– Дженифер...

– Шон, на то есть причина – потому что это нелегально! Нельзя вводить искусственные виды в экосистему. Это может уничтожить всю биосферу.

– Нам нужно только одно существо. Ты можешь сделать так, чтобы оно было стерильное.

– Нет.

Во-первых, он ведь даже не хотел Наннибота. Официально классифицируемый как Независимая Разумная Биологическая Единица, Наннибот был зависимым и неразумным. Счеты были бы лучшей заменой компьютера, чем сконструированная при помощи генной инженерии коллекция мускул и ганглий. Разработанный как альтернатива обычному устройству хранения данных, Наннибот обладал громадной емкостью, но уходила целая вечность на передачу в него даже маленького кластера из Гнома. Шон проголосовал за его деактивацию, но вместо этого голос большинства послал Наннибота на учебу детей. А сейчас все его будущее полностью зависело от Наннибота. Вселенная насмеялась над ним.

– Если ты его пристрелишь, я тебя убью, – ровно сказал Шон. – Отчет все еще в нем.

Наннибот медленно поднялся. Его лапа все еще ухватывала метлу. Круглая линза его окуляра повернулась. Голосовая щель открылась, и дальше раздался плавный баритон:

– О, рыцари, видать, полны раздумий, а также со следами ото сна, вы мне скажите, сим путем чудная какая-либо бестия прошла?

– Боже, – сказал Шон.

– Зверь! – провозгласил Наннибот, качая метлой в драматической манере. – Я следовал сим поискам весь год, и либо я его настигну, или, последней каплей крови истечет из тела моего для квеста сила.

– Что это значит? – спросил Сантос.

– Ничего. Бред сивой кобылы, – сказал Шон.

– Мэлори, – поправила Эмили.

– Что?

Эмили оторвалась от книги и укоризненно посмотрела:

– Это не бред, а Мэлори. *Артуриана*. Нанни думает, что он – это сэр Пелинор.

– Эмили, милая, что он пытается сделать?

Эмили улыбнулась:

– Он пытается охотиться на Ловимого Зверя.

Маленький огонек надежды вспыхнул в глубине черной пустоты, которая наполняла голову Шона.

– Расскажи мне больше.

3

– Есть только два способа взлома ИИ третьего порядка, такого как Нанни: хаотический протокол или проблемно-ориентированный протокол, – двигаясь большими шагами к блоку главного программиста, рассказывал Шон плетущемуся, как за буксиром, Сантосу. – Хаотический протокол наугад наводняет ИИ лавиной маленьких задач, которая сильным ударом сбрасывает систему и делает ИИ безумным. Это неизлечимо. Проблемно-ориентированный протокол блокирует систему при помощи конкретной цели, которая проблемой вертится на уме в

постоянном цикле. Достигнув цели, вирус обезвреживается. Первый способ является скучным и требует не бог весть сколько воображения, а второй – приложения гораздо большего умения.

Он сделал паузу, но Сантос не выразил готовности прокомментировать.

– Арбианские хакеры гордятся своей работой. Они с удовольствием бросают вызов. Они не шлепали бы подряд хаотическим протоколом для вируса «многоножки» – любой хакер это может сделать. Они послали проблемно-ориентированный вирус, чтобы понаблюдать, как нас будет корчить в попытке решения квеста.

– Ты думаешь, что Эмили права? – спросил Сантос.

– Да. И слишком уж поведение Нанни логически рассудительное, чтобы быть продуктом хаотического протокола.

– Так значит, не все еще утрачено?

– Если бы. Если мы разорвем цикл, и если Вернье сможет добыть резервную копию *рабочей станции*, то мы сможем, возможно, спасти ИОО. Мы... Хммм.

Они завернули за угол и увидели Вернье. Главный программист, и гид-экскурсовод по протоколам, Ратибор Вернье, надел церемониальную кольчугу из пластика. Одну такую металлическую он притащил из Нового Варвара, но *трогометы* в первую же неделю нашли ее и проворно слопали. Шон исхитрился убедить автоматический синтезатор на орбитальной станции изготовить пластическую замену. Но она выглядела чуточку нелепо на неуклюжей фигуре Вернье, частично из-за того, что была кричащего неоновым зеленым цвета.

Вернье стоял лицом к камню, на котором восседал небольшой идол. С длинными ступнями, и вырезанный с поразительной детальностью из какой-то непонятной древесины, приземистый идол ухватил топор в одну руку и стог пшеницы в другую.

Рядом с задумавшимся об идоле Вернье сидела парочка любопытных *трогометов*. Со звуками шагов Шона и Сантоса они поспешно удрали навстречу, как похожие друг на друга комки «перекати-поле», уселись на свои зады и вскинули маленькие руконожки в ожидании подачи. Сантос извлек печенье из кармана:

– Печенька.

Трогометы замуукали в унисон.

Сантос разломил печенюшку пополам и вручил каждому пушистику по кусочку. Деликатные руки схватили половинки печенья. Хитрые носики высунулись из-под меха, чтобы понюхать угощение. Печенье исчезло в крошечных ртах, и *трогометы* отвязались. Без сомнения, они бы предпочли кусок медного провода.

Вернье поднял палку, прикинул в руке ее вес и ударил идола – шмяк!

Шон остановил окликом:

– Вернье?!

– Да?

– Ты что делаешь?

– Он был плохим богом, – объяснил мрачный Вернье. – И должен быть наказан.

Шмяк! Шмяк!

– Я провел здесь два года. Два! Года!

Шмяк!

– На планете без системы. Без внешней связи, без сенсоров.

Шмяк!

– И даже всякая малость, какая бы ни была у меня, всегда становилась параноидально съеденной. А сейчас он лишает меня самого последнего.

Шмяк! Шмяк! Шмяк!

Палка сломалась в его руке. Казалось, что идолу было ни хуже, ни лучше. Вернье бросил сломанную палку на землю и огляделся в поисках другой.

– Эмили думает, что Наннибот стал персонажем мифа из 14-го века на Земле, – сказал Шон.

– Да?

Шмяк!

– Рыцарь, – сказал Шон, – который охотится за Ловимым Зверем.

– И не пытайся, Шон. Это хаотический протокол. Нас обжучили.

– Просто предположим, ради дискуссии, что это был проблемно-ориентированный протокол. Как бы тогда мы нашли решение?

– Дай Нанни, что он хочет, – сказал Вернье. – Дай ему Прошенного Зверя, позволь поохотиться на него и словить.

– И другого пути нет?

– Нет.

Сантос потер свой подбородок:

– Где бы нам раздобыть Ловимого Зверя?

Вернье отрезал:

– Ты об этом серьезно?

– Да.

Он уложил свою палку на плечо и посмотрел на небо.

– Если ты не прав, тогда я буду ненавидеть тебя весь остаток моей жизни за то, что дал мне надежду, а потом разбил ее на мелкие кусочки.

– Понятно, – сказал Шон.

– Сделай одного, – предложил Вернье.

– Одного? Как?

– У тебя имеются генетические бланки в хранилище на орбите. *Рабочая станция* застрелена, но все еще будет передавать код. Введите корректные параметры и...

– Это полностью незаконно, – сказал Шон. – Не стоит даже упоминать, что это должно оставить нас без какого-либо запаса ткани для замены конечности в экстренном случае.

– Мы на этой планете уже два года, – сказал Вернье. – У нас было около двух дюжин укусов и три вывихнутые лодыжки. Ты и в самом деле думаешь, что на следующей неделе внезапно кому-нибудь отжевали бы ногу?

– Вернье, мы не можем вот так просто взять и сделать существо. Я не знаю как ты, но я не совсем готов с контролируемой легкостью провести остаток своей жизни, – сказал Шон и повернулся к Сантосу.

– Это хорошая мысль, – сказал шеф службы безопасности.